

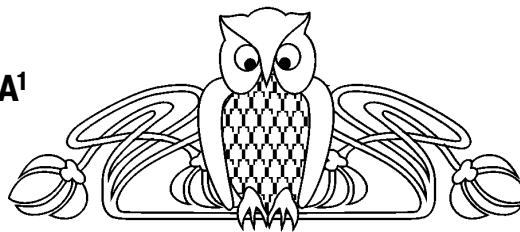

УДК 882.09+929 Скафтымов

ЖИЗНЬ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА СКАФТЫМОВА¹

В.В. Прозоров

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье В.В. Прозорова воссоздается портрет выдающегося русского ученого Александра Скафтымова, предлагаются размышления, посвященные его оригинальным исследовательским подходам к феномену художественного текста, характеризуются основные принципы саратовской филологической школы, основанной Скафтымовым в середине XX века.

Life and Philological Legacy of Alexandr Pavlovich Skaftymov

V.V. Prozorov

V.V. Prozorov draws the portrait of the outstanding Russian scholar Alexandr Skaftymov, offers some reflections on Skaftymov's original approach to the phenomenon of fiction, and characterizes the basic principles of Saratov philological school, founded by Skaftymov in the middle of the twentieth century.

1. Современники об А.П. Скафтымове

Профессору Саратовского университета Александру Павловичу Скафтымову суждено было в драматически сложном советском XX веке жить по совести, хранить верность непреходящим нравственным ценностям, создать свою признанную гуманитарным миром научную школу, внести мудрый вклад в осмысление важнейших проблем истории и теории художественной словесности, в изучение творческого наследия русских классиков – А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского, А.Н. Радищева, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского.

Автор письма (от 5 мая 1910 г.), фрагмент которого приведен ниже, остается для нас неизвестен. Но сам характер его проникновенной аттестации точно определяет натуру Скафтымова. Перед нами строки, написанные, предположительно, одним из друзей Скафтымова по духовной семинарии (подпись: «Твой Андрей»): «Ты не можешь себе представить, как я по тебе соскучился; чем ты меня приворожил к себе, я теперь доподлинно объяснить не смогу: вероятно, уж натура у тебя такая, располагать к себе; нравится твоя простота и задушевность и отклик на чужие беды»².

А.П. Скафтымов родился 11 октября 1890 г. в селе Столыпино Балтайской волости Вольского уезда Саратовской губернии в семье священнослужителя. Не стало его 26 января 1968 года. По-

хоронен Скафтымов на Воскресенском кладбище Саратова.

Его путь – это и незавершенный курс духовной семинарии, и учеба на историко-филологическом факультете Варшавского университета (1909 – 1913), и преподавательская работа в гимназиях Астрахани и Саратова. С 1922 г. судьба Скафтымова связана с Саратовским педагогическим институтом и Саратовским университетом.

Не обошли его стороной ни трагедии 1930-х гг., ни жизненные и житейские боли и напасти. Была репрессирована, осуждена на 8 лет (по нелепому, а по тем временам еще и страшному обвинению «в связи с иностранной разведкой») и после тюремного заключения сослана в Карагандинские лагеря жена Ольга Александровна Знаменская-Скафтымова, преподаватель французского языка в Саратовском пединституте. Вскоре, в марте 1937 г., от скоротечного туберкулеза скончался их единственный сын...

Известный русский фольклорист Ю.М. Соколов пробует утешить Скафтымова по поводу трагических событий его жизни, пришедшихся на 1930-е годы: «Вы несете такую огромную и ответственную работу, работаете с признанным всеми успехом, тут бы и развернуть все свои силы и проявить себя во всю ширь в творческой работе, а личные горя одно за другим падают на Вашу голову<...>. Такой жестокости судьбы никак не осмыслишь, не оправдаешь»³.

Одна из учениц А.П. Скафтымова, профессор Саратовского университета Е.П. Никитина напишет позднее: «Много накопилось обид и горечи от прямых политических наскоков и скрытых интриг<...> В послевоенные годы всё это как-то сглаживается и как бы официально отменяется: присуждением звания Заслуженного деятеля науки РСФСР, он награжден орденом Ленина. Хотя кто-то все еще не забывает о «бдительности», да и выбитую из колеи личную жизнь не так просто ввести в благополучное русло...»⁴

Все, кто имел счастье знать Скафтымова, говорят о его удивительной стойкости духа, о деликатности и проникновенной способности располагать к себе других, о подлинном демократизме и нравственной безупречности. И ещё – о хорошем, интуитивно данном практическом знании сложной человеческой психологии.

Вспоминает его ученик и преданный друг, преподаватель филологического факультета Са-

ратовского университета А.П. Медведев: «В нём восхищали два свойства: никогда никто с ним не говорил резко, грубо, повышенным тоном, неуважительно. Это касалось всех, будь то давно знакомый ему человек или недавно знакомый, будь то люди высокой культуры или «простые» люди. Точно какое-то магнитное поле окружало его и разрушало злые стрелы, злые слова, злые мысли.

Второе свойство объясняло это: Скафтымов не только всегда был очень внимателен к людям, но и умел разглядеть то, что в них было хорошего, ценного. Поэтому в своих отношениях с людьми он обращался именно к этой, хорошей стороне человека. Своим уважением он поднимал человека, с которым общался, помогал ему ощущать в себе то хорошее, что в нём было»⁵.

Учитель Скафтымова по Варшавскому университету профессор А.М. Евлахов в письме от 8 октября 1933 г. обратит своему ученику и другу много стоящие слова: «Хотя мы расстались более двадцати лет назад <...> – какая-то непрерывная нить тянется между нами все эти годы, не порываясь <...>. Вы были бы, пожалуй, единственным из моих «учеников», кому хотел бы я довериться после смерти, когда уже защититься нельзя; Вы бы один как следует меня поняли и объяснили со всеми моими недостатками и достоинствами»⁶.

В 1958 г. в Саратове усилиями учеников и сподвижников Скафтымова издается его монография «Статьи о русской литературе». Здесь собраны работы, печатавшиеся в разные годы (с 1924 по 1952) в мало доступных к тому времени, по большей части провинциальных сборниках и «Ученых записках». Красноречивые отклики известных ученых-гуманитариев последовали на выход в свет этой книги.

А.И. Белецкий (в письме к Скафтымову от 2 января 1959 г.): «Издавна, начиная с «Поэтики былин»⁷, слежу за Вашим научным творчеством, проходившим всегда в благоприятных тонах, без всякого стремления угодить преходящим вкусам, без всякого отступления от серьёзной, научной линии, без вульгаризаторства, легковесности и т.п. грехов, свойственных многим Вашим современникам <...> Как жаль, что я жил и доживаю жизнь на большом расстоянии от Вас!».

Н.Я. Берковский (5 ноября 1959 г.): «Вы издавна занимаете в нашей науке о литературе совершенно собственное, своё, независимое место. Работы Ваши – талантливый, тонкий перевод с особого языка искусства на обще-язык, философский и идеологический <...> Всё внимание Вы уделяете иррациональному в тексте, тому, обо что ты запинаешься, читая текст, и именно из иррационального Вы и выводите рациональное, «идейное» <...>».

К.И. Чуковский (4 января 1959 г.): «Когда читаешь Вашу книгу, кажется, что поднимаешься на крутую гору – и с каждым шагом перед тобой

развертывается новое, чего не видел за секунду до этого. Но восходить на крутые горы трудно, и потому Ваша книга трудна для людей, не привыкших думать <...> Книга Ваша значительно больше своего объёма, оттого-то она, вот увидите, – будет поразительно живуча, окажется необычайно прочна»⁸.

Л.Я. Гинзбург (в рецензии на книгу): «Сила работ А. Скафтымова в том, что он не декларирует свои убеждения, но добывает их тонким анализом текста <...> Проблемы, разработанные в этой книге, – единство содержания и формы, специфика метода великих русских реалистов, природа драматического конфликта, этика и психологизм – в высшей степени актуальны и современны. «Статьи о русской литературе» А. Скафтымова – плод многолетнего труда подлинно творческого и проникнутого сознанием высокой ответственности ученого. Очень жаль, что эта книга издана крайне незначительным тиражом; практически за пределами Саратова она почти не получила распространения»⁹.

Что это не совсем так, что книгу Скафтымова узнали и по достоинству оценили далеко за пределами России, свидетельствует такой многозначительный факт.

Н.И. Ульянов, известный историк и литератор «второй волны» русской эмиграции, в статье 1966 г. «Чехов в театре Горького» (по вступлению гастролей Московского Художественного Академического театра в США в феврале 1965 г.) отмечает: «Зло рутины, против которого подняли бунт Немирович и Станиславский, вернулось в стены созданного ими учреждения в худшем виде».

Ульянов проникновенно пишет о «музыке чеховской пьесы, построенной на полутонах», о «врубелевской завороченности глаз, которые видятся при чтении «Вишневого сада», о сестрах Прозоровых – «тонких скрипках и флейтах – чистых интеллигентных существах», о том, что «драма у Чехова разыгрывается не в явном, а в скрытом плане, не в том, что говорится и делается, а что таится за речами и поступками действующих лиц»: «Одним коротким словом, паузой, недоговоренностью выражается больше, чем длинным монологом»¹⁰.

Впервые читая эту статью, ловишь себя на мысли, как близок Ульянов в своем понимании законов чеховской драматургии к исследованиям о Чехове, принадлежащим перу А.П. Скафтымова... И вознаграждаешь себя таким неожиданным (по тем хмурым временам) признанием, которое делает автор на последней странице своей статьи-рецензии по поводу мхатовских гастролей: «Талантливый саратовский литературовед Александр Скафтымов (ныне, кажется, покойный)¹¹ ближе всех подошел к пониманию нераздельно слитых формы и содержания чеховских пьес. Чехов, по его словам, увидел совершающуюся драму жизни в бытовом её течении, в обычном самочувствии, самом по себе, когда ничего не случается».

Процитировав Скафтымова по его книге, изданной в Саратове в 1958 г., Ульянов заключает: «Вот бы из чего исходить постановщикам «Вишневого сада» и «Трех сестер»¹².

Благодарные ученики и последователи саратовского профессора, Е.И. Покусаев и А.А. Жук, предваряя вступительной статьей первое посмертное издание трудов Скафтымова, писали: «Собственным неустанным духовным трудом он создал свою тончайшую интеллигентность, свой кодекс жизненной, научной и гражданской морали. Был по-чеховски негромок в его утверждении, органически не перенося суетной «публичности». И по-чеховски беспощадно презирал он многоликую, всегда довольную собой пошлость.

Не случайно чеховский мир с такой свободой и готовностью открылся взгляду ученого»¹³.

2. А.П. Скафтымов о себе

О себе А.П. Скафтымов рассказывал без всякой охоты.

Его – к очередному юбилею – пытали по поводу университетской и факультетской истории. Он отговаривался: «Ничего не помню или помню только приблизительно». Добавлял, что в ту пору (1917 – 1921 гг.), когда работали на факультете В.М. Жирмунский и Н.К. Пиксанов, его в университете ещё не было и он лишь издали мог наблюдать их¹⁴. И с горькой усмешкой продолжал: «А потом... потом обстоятельства сильно изменились... И мы жили да поживали без всего лишнего в добром следовании расписанию и «установкам». Кроме обучения этим установкам, ничего не помню; вероятно, кроме установок ничего и не было <...> Нашу историю надо изучать в масштабах общих»¹⁵.

Скафтымов имел в виду целенаправленное ужесточение общественно-политического климата в стране и в университете. Всё «лишнее» преследовалось и удалялось. Спускаемые «сверху» и обязательные к безоговорочному исполнению «установки» следовали одна за другой. Наступила тяжкая для гуманитарной культуры пора социально-догматических унификаций, казенного единомыслия, демагогического пустословия.

«Иногда хочется, – с грустью признавался Александр Павлович, – всего себя (методологически) изложить во всей системе, со ссылками и параграфами, с предшественниками и без предшественников... А к чему это? К чему это, когда методология всем молодым работникам заранее во всей готовности задана к обязательному вниманию и выполнению»¹⁶.

Спустя три года – тот же мотив горестного сожаления и сострадания к тому, что происходит в стране и со страной, что происходит с литературной культурой: «И погода сейчас будто бы благоприятная (прохладная), потом, вероятно, будет труднее с саратовской духотой. Все же живем, читаем и внутренне участвуем в жизни. С

литературой плохо. Видимо, опять пришли туда, откуда вышли. Гангстеры утверждаются прочно и надолго. Так кажется <...> Я несколько раз брался за свои прежние начатые и брошенные статьи и замыслы, но охоты хватает не надолго; как вспомню о действительности, всё пропадает»¹⁷.

И проступает в письмах отчетливый (и подавленно отчаянный) мотив преодоления болей и обид, мотив отчуждения, внутреннего отстранения от «действительности», ухода (погружения) в мир своих светлых и безотменных ценностных представлений о жизни, о сущем: «Музыканто и от музыки оторваться не могу. Тут психоз какой-то. Были раньше иные психозы, а теперь этот. Без таких «психозов», наверное, и жить было бы не так интересно»; «Читаю я сейчас книгу Дж<ава>харлала Неру «Открытие Индии». Вдвойне интересно. Автор очень умен. Он современен, но в нем дышат и все тысячелетия Индии. Теперь упиваюсь»; «Читаю, музицирую, иногда ходим в концерты и в театр. Недавно был очень хороший концерт. Приезжали Д. Ойстрах, Оборин и Кнушевицкий. Дали несколько концертов трио»; «Наступила весна, но какая-то странная и неприветливая. Мы взираем на Волгу, в мыслях давно собираемся сесть на пароход. Но деревья почти не распускаются, всё голо и пустынно. Как бы то ни было, через несколько дней отправимся в путешествие. Куда? И сами не знаем. Лишь бы плыть. Поплывем, куда подходящей пароход повезет»¹⁸ ...

Скафтымов признавался, что жизненными и житейскими обстоятельствами вынужден был выбрать для себя позицию «постороннего», со стороны вглядывающегося в эту кишмя кишашую реальность, в эту безнадежную суету сует, обремененную непрерывными и диковинными официозными «установками». «Я внутренне от всего ушел и на многое смотрю будто с луны <...> На луне статей не пишут и даже не знают, что на свете бывают какие-то статьи. Тут пустяками не занимаются», – заключал он решительно.

И даже топографически внятно определил контуры «своей» заповедной луны: «На саратовском берегу Волги, Вы знаете, купанье во многих отношениях неудобное и даже невозможное. Однако я попробовал отправиться туда на берег утром пораньше и нашел что надо: людей почти нет, вода довольно чистая и даже скамейки есть для раздевания. Выкупался с наслаждением. Потом мы с Евграфом¹⁹ два раза выезжали на целые дни на тот берег. Там прекрасно. На берегу и в воде одно раздолье и радость бытия. Евграф сейчас отправился на охоту. Я буду ездить на тот берег один. Там и только там (т.е. в подобном) вся соль жизни». И дальше – приводившиеся выше строки о самом главном, что понято, почувствовано и обретено им в этой жизни, – о собственной «луне», с которой вся эта реальность выглядит совсем в иных масштабах и очертаниях.

Но верно и то, что «радость бытия» для Скафтымова – это и родное дело, которому посвящена

была вся его жизнь. И про это дело он успел сказать своё очень важное и безотменное слово.

Настойчиво побуждаемый Ю.Г. Оксманом, Скафтымов в 1959 г. предложил немногословный, но весьма выразительный рассказ о своих научных истоках, об отношении к предшественникам и современникам.

Прежде всего он отметил крайне отрицательное отношение «ко всякой произвольной психологистике и философистике». Речь шла о нарочитых построениях «харьковской школы» Овсяннико-Куликовского, об ортодоксальных формах фрейдизма, о «плоских и тупых» проявлениях воинствующего вульгарного социологизма.

«Все, – уточнял Скафтымов, – по-разному, но все одинаково безответственно «своё» навязывали автору. Я нигде не позволял себе никаких измышлений от себя. Если я говорю о «психологии», то только в том содержании и в тех пределах, в каких об этом идет речь в самом произведении»²⁰.

3. Задача – «отдать себя автору»

В современной культуре общения с авторским художественным текстом и в современной мировой гуманитарной науке определились две основные тенденции, имеющие давнюю и сложную родословную.

Одна из них признает в диалоге с художественным текстом полное или почти полное и горделивое всевластие *читателя*, его безусловное и естественное право на свободу восприятия поэтического произведения, на свободу от авторской опеки, от послушного следования авторской концепции, воплощенной в тексте, на независимость от авторской воли и авторской позиции.

Крайнее выражение обозначенной позиции заключается в том, что авторский текст, пускаясь в вольное плавание по открытому и бескрайнему читательскому морю, становится лишь чувствительным предлогом для последующих активных рецепций, для вероятных литературных перелицовок, для своеобразных переводов на языки других искусств и т.п.

При этом осознанно или непреднамеренно оправдывается любая самонадеянная читательская категоричность, размашистая безапелляционность и произвольность суждений.

В практике школьного, а подчас и специального вузовского филологического образования часто рождается уверенность в полной и безграничной власти читателя над словесно-художественным текстом. Вольно или неосознанно тиражируется выстраданная М.И. Цветаевой формула «Мой Пушкин», и откуда ни возьмись, является на свет уже другая, восходящая к бессмертному гоголевскому Ивану Александровичу Хлестакову: «С Пушкиным на дружеской ноге».

Во второй половине XX века «читателецентристская» точка зрения была доведена до крайнего предела. Ролан Барт, ориентируясь на так

называемый постструктурализм в художественной словесности и филологической науке, объявил текст зоной исключительно языковых интересов, способных приносить читателю главным образом игровое удовольствие и удовлетворение.

Французский ученый утверждал, что в словесно-художественном творчестве «теряются следы нашей субъективности», «исчезает всякая самоидентичность и в первую очередь телесная тождественность пишущего», «голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть». Художественный текст, по Ролану Барту, – внесубъектная структура, и соприродный самому тексту хозяин-распорядитель – это читатель: «...рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора»²¹.

Вопреки самолюбивой эпатажности и вольной экстравагантности, *концепция смерти автора*, развивавшаяся Роланом Бартом, помогла сосредоточить исследовательское филологическое внимание на глубинных семантико-ассоциативных корнях, предшествующих наблюдаемому тексту и составляющих его не фиксируемую авторским сознанием генеалогию («тексты в тексте», плотные слои литературных реминисценций и связей, «чужое слово», архетипические образы, распространенные и в глубь времен уходящие темы и мотивы и др.).

Другая – часто именуемая «архаической» – тенденция исследовательского и читательского общения с художественным текстом имеет в виду принципиальную *вторичность читательского творчества*.

В русской эстетической традиции подобная тенденция восходит к известному пушкинскому призыву судить писателя «по законам им самим над собою признанным»²².

Развивая эту максиму, выдающийся философ русского зарубежья И.А. Ильин в 1930-е гг. писал: «Художественная критика требует целостного вхождения в само произведение искусства. Надо забыть себя и уйти в него. Надо дать художнику выжечь его произведение в моей душе, вроде того, как выжигают по дереву <...> Дайте художнику властно дохнуть в ваш внутренний мир; дайте ему свою душу, как покорный и крепкий пластилин; не «уши» и «глаза», а всю душу до дна. И тогда вы увидите, что возможна верная встреча в художественном произведении – и с самим художником, и с другими, так же сосредоточенно и предметно воспринимавшими его, как и вы...»

А.П. Скафтымов ещё в статье 1922 г. «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы» убежденно настаивал: «Сколько бы мы ни говорили о творчестве читателя в восприятии художественного произведения, мы все же знаем, что читательское творчество вторично, оно в своем направлении и гранях обусловлено объектом восприятия. Читателя все же ведет автор, и он требует послушания в следовании его творческим

путем. И хорошим читателем является тот, кто умеет найти в себе широту понимания и отдать себя автору».

Скафтымов исходит из презумпции объективной значимости художественного текста, его образно-смысловой суверенности. Своё действительно *последнее слово* автор произведения уже сказал. У литературного текста, при всей его сложной многозначности, есть некое объективное (понятийно-логически до конца не улавливаемое) художественно-смысловое ядро. И автор самим произведением, всей его многоуровневой структурой выбирает *своего* читателя и с ним готов вступить в доверительный диалог.

«Интерпретатор не бесконтролен. Состав произведения, – писал А.П. Скафтымов, – сам в себе носит нормы его истолкования»²³. Это афористически звучащее заключение ученого характеризует важнейшее свойство читательского, литературно-критического, литературоведческого искусства.

Самое непосредственное отношение имеет оно и к сфере школьного и вузовского преподавания художественной словесности, к популяризации литературной культуры. Истинный знаток поэзии (перефразируя классический афоризм, касающийся театра) не себя любит в литературном произведении, а литературное произведение любит в себе. Настоящий читатель не себя навязывает тексту, но текст пытается понять и почувствовать во всей его полноте и целостности.

Важно помнить и о том, что предпочтительный выбор авторов читателем, критиком, литературоведом обусловлен вкусом воспринимающего, его эстетическим опытом, особенностями индивидуального подхода к усматриваемому материалу.

Сам по себе процесс восприятия в высшей степени субъективен и иным быть просто не может. Читатель остается самим собой. Но и суверенный авторский художественный текст тоже остается самим собой. Он располагает этим правом не меньшим образом. Текст – «душа в заветной лире» – сохраняет за собой право на сосредоточенное, пристальное и пристрастное читательское внимание и понимание.

В диалоге рождается новое смысло-поэтическое качество. В нем освещенная авторской волей глубинная объективность словесного текста пронизана и согрета непрременной читательской субъективностью. Это так.

Скафтымов признаётся: «Меня интересовала внутренняя логика структуры произведения (взятого, конечно, во всем целом). «Психология» – это только материал для мысли (говорю о мысли, т.е. о «пафосе» художника). И никогда я не навязывал автору никакой «философии». О философствующей мысли всегда говорилось лишь изнутри, т.е. насколько к этому обязывали все данные, заключенные в содержании и соотношении всех частей и элементов, составляющих целое <...> В

этом отношении я всегда был к себе очень строг. Я старался сказать о произведении только то, что оно само сказало. Моим делом тут было только перевести сказанное с языка художественной логики на нашу логику, т.е. нечто художественно-непосредственное понять в логическом соотношении всех элементов и формулировать всё это нашим общим языком»²⁴.

Роль переводчика – одна из самых сложных на белом свете. Трудно не только слушать *другого*, но и пробовать его услышать, понять, уразуметь, исходя из его собственных глубинных внутренних возможностей, устремлений, желаний. Стократ сложнее пытаться переложить понятое для *третьей* стороны – для читателей, слушателей, для любителей и ценителей изящной словесности.

Редкий профессиональный дар Скафтымова как раз и заключается в способности тонко и чутко слышать автора, в *другом* бережно распознавать *друга* и переводить услышанное на желанный для автора, вполне адекватный его образному строю, его поэтической системе литературоведческий язык.

В этом главное достоинство проникновенно тонких и изящных статей Скафтымова о Чехове, Л. Толстом, Достоевском, о других русских классиках.

Интересно наблюдать, как в талантливых литературоведческих работах обнаруживает себя и затаённое авторское начало, и индивидуальность самого интерпретатора. Существенно не только то, *что* и *каким образом* сказано в литературоведческом произведении, но и то, что дано в нем *исподволь* как приглушенное, не выговоренное признание, как подсознательно затаенная исповедальная данность.

Так, представляется знаменательным и многое объясняющим в исследовательских решениях А.П. Скафтымова его обращение на склоне лет к теме Кутузова и Наполеона, к полемическому воссозданию Л. Толстым философии истории в «Войне и мире»²⁵.

В письме к Скафтымову от 2 сентября 1959 г. Ю.Г. Оксман отзовется на эту публикацию: «Я давно прочел вашу статью об образе Кутузова. Мне она понравилась, так как аргументацию вашу считаю неотразимой...»²⁶.

Скафтымовская аргументация в этой статье, на мой взгляд, совершенно неумышленно даёт представление и о самых принципиальных, заветных подходах ученого к феномену художественного текста, о природе сокровенных для Скафтымова исследовательских приёмов, о предпочтительных маршрутах следования в хрупком и *невыразимом* мире литературы.

В чем это и как проявляется?

Кутузов, по мысли Скафтымова, отличается от всех других исторических деятелей, представленных в «Войне и мире», не тем, что они действуют, а он бездействует, а тем, что он действует *иначе*, чем они. Особый тип деятельности

Кутузова в том, что деятельность эта воодушевлена и обоснована «требованиями объективной (внеличной) необходимости».

Толстовский Кутузов, по наблюдениям Скафтымова, противостоит легкомысленному или хитроумному, но всегда «произвольному и тщеславному прожектёрству»²⁷. Вот оно – главное!

В работе «Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого «Война и мир» весьма отчетливо и внятно обнаруживает себя самое существенное свойство школы Скафтымова.

Главное не в напористом и самоуверенно-наступательном (наполеоновском) внедрении в толщи и громады текстовых объектов, но в изначальном стремлении к их осмотрительно-му, бережному, чуткому и честному постижению. Главное – в глубинном осмыслении того, что Скафтымов, следуя за Л. Толстым, назвал «скрытой ведущей целесообразностью» объекта: «Мудрый деятель», вникая в объективную логику вещей, по Л. Толстому и Скафтымову, «умеет отказаться «от своей личной воли, направленной на другое», то есть от воли, не соответствующей этой объективности»²⁸.

Очень точное определение специфики филологических уроков самого Скафтымова: литературно-художественные произведения сами в себе обнаруживают готовность к общению с внимательным и благодарным читателем, в собственном текстовом составе несут нормы своего истолкования.

Неприятие Скафтымова постоянно вызывают произвольность и амбициозная преднамеренность филологических штудий.

Не случайно за четверть века до указанной статьи 1959 г. Скафтымов в книге «Поэтика и генезис былин» говорит о сознательном или непредумышленном исследовательском произволе и увлечении в вопросах сопоставлений, определенных сходств, параллелей и т.п. И говорит он об этом в тонах самой искренней досады.

Обнаруживая в трудах известного фольклориста неприемлемые для сосредоточенно-чуткого познания конкретные сопоставления разных текстов, Скафтымов в 1924 г. пишет: «Уважаемый автор, в других случаях убедительный и осторожный, здесь в погоне за историческими параллелями раздробляет сюжет исследуемого произведения и по кусочкам сближает его по сходству то с одним, то с другим мотивом из житейной и летописной литературы»²⁹.

Обращает на себя внимание лексико-экспрессивная оппозиция: убедительность и осторожность, с одной стороны, и «в погоне», раздробление сюжета «по кусочкам», случайные сближения и т.п., – с другой. «Вот уж, поистине, – совсем по-каратаевски замечает Скафтымов в связи с подобными сближениями, – как вода в бредне: тянешь – полно, вытащишь – ничего нет».

В исследовании о русских былинах Скафтымов заметит, что «строгости научной дис-

циплины» (а строгость эта «лежит на личной ответственности каждого исследователя») часто противостоят «произвольные сопоставления», слишком свободное оперирование «недоказуемыми гипотезами».

Между тем нужно всегда помнить «об ограничении не в меру развившихся увлечений»: «Всякая мысль, в конце концов, ценна лишь поскольку она имеет внутренне принуждающую силу. Гипотеза гипотезе рознь. Гипотеза не есть произвол». Речь у Скафтымова идет о «таких гипотезах, которые обнаруживают совершенную свободу от тех граней обязательности и необходимости, которые ставит себе всякое рациональное теоретическое построение»³⁰. В противном случае – почти неизбежное, пусть и невольное, *насилие* над текстом.

Скафтымов об одном из отечественных фольклористов так и скажет: имярек «насилюет былинку». О другом: «произвольно устраняет <...> факты». О третьем: усматривает «коренное» сходство там, где его нет. Плохо, когда «из анализа устраняется искреннее вмешательство души автора»³¹.

Каждый художественный текст, по Скафтымову, носит в себе *свою* меру осмысления. Игнорируя этот принцип, мы оказываемся в плену собственной всевластной гордыни, полагая себя и только себя мерой истины, мерой понимания текстового целого. Отсюда регулярные и чаще всего неуместные эклектические набеги и налёты на текст, сообразно своим собственным хотениям и разумениям. Отсюда полшага до скептически высокомерного отношения к самому тексту как удобному предлогу для читательского и исследовательского самовыражения. Но «скептицизм и эклектизм, – по Скафтымову, – братья близнецы. Они всегда приходят вместе, сменяя периоды надежд и увлечений. Шатание без веры – их общая основа. Эклектик, как паяц, потерявший равновесие: вот сейчас он окончательно прыгнет с каната»³².

Полнота же прочтения и постижения художественного текста предполагает полноту нашего уважительного отношения к автору. Читателю-литературоведу дано, вослед автору, проделать путь открытия истины, путь к поэтическим откровениям, мерцающим в тексте, заключенным в его живой структуре.

Но как угадать этот путь, как его определить?

И рождается знаменитая теперь, очень простая с виду, но очень трудно дающаяся (даже весьма квалифицированным читателям-исследователям!) скафтымовская заповедь: «Нужно читать честно».

Что такое «читать честно»? Вернее, – от противного – что такое «читать *нечестно*»?

Нечестно – значит слушать писателя, а слышать себя и *только* себя. Очень важное «только». Честность предполагает доверие. Нечестность – наивно-буквалистское или глухо-лукавое и самонадеянное переименование текстовых смыслов.

«Читать честно» – значит не превращать поэтический текст в иллюстрацию к морали, политике, истории, но читать с полным доверием к автору, в диалог с которым ты сейчас вступаешь.

Настоящее художественное творение заключает в себе такие смысловые глубины, которые способны приоткрыться нам лишь при готовности нашей по-настоящему полно и свободно услышать *другого*, честно следуя творческим путем автора – создателя текста.

Чтобы услышать другого, надо внутренне к нему расположиться. Нужно доброе внимание, умное и доброе сердце, нужно специальное литературоведческое умение и усердие.

Однажды А.П. Скафтымов обратил своим юным и взрослым коллегам по университетскому филологическому факультету такое приветствие: «Желаю вам много читать и думать. Но становясь умными, будьте добрыми»³³.

В любых исследовательских подходах к художественным текстам литературоведу, по убеждению Скафтымова, пристало в большей степени следовать логике толстовского Кутузова, чем толстовского же Наполеона.

Примечания

- 1 Настоящий очерк составлен из фрагментов вступительной статьи В.В. Прозорова к предполагаемому изданию избранного тома литературоведческих статей А.П. Скафтымова.
- 2 Цит. по: Коллекция книг и эпистолярный архив в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1981. С. 55.
- 3 Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки Саратовского госуниверситета. Ф. 1. Оп. 1. № 137.
- 4 *Никитина Е.П.* Умом и сердцем // Филология. Саратов, 1998. Вып. 2. С.114.
- 5 *Медведев А.П.* Школа нравственного воспитания // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги саратовской филологической школы / Под ред. Е.П.Никитиной. Саратов, 1984. С. 194.
- 6 Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки Саратовского госуниверситета. Ф. 1. Оп. 1. № 49.
- 7 Имеется в виду монография: *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин. М.; Саратов, 1924. Переиздана в Саратове в 1994 г.
- 8 Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки Саратовского госуниверситета. Ф. 1. Оп. 1. № 13, 17, 149.
- 9 *Гинзбург Л.* Актуальная книга о русских классиках // Вопросы литературы. 1959. № 11. С. 224, 226.
- 10 *Ульянов Н.* Чехов в театре Горького // Ульянов Н. Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 68, 80. Откликаясь на выход в свет сборника «Диптих», рецензент А.Небольсин сближает оценки чеховской драматургии, принадлежащие Н.И.Ульянову, с родственными суждениями А.П. Скафтымова: в статье «Чехов в театре Горького» Ульянов «показывает, что советский театр не понял Чехова, не понял «щемящий смысл бытового течения жизни» (выражение А.Скафтымова)» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 288–289).
- 11 А.П. Скафтымов в эту пору был ещё жив.
- 12 Вероятнее всего, в условиях железного занавеса, экземпляры книги А.П. Скафтымова попали за рубеж (в том числе и оказались в поле зрения Ульянова) благодаря смелым и небезопасным по тем временам инициативам и хлопотам Ю.Г. Оксмана. В письме к Скафтымову от 24 декабря 1958 г. Оксман сообщал: «...я был очень обрадован вашей книжкой, хотя ждал её уже давно, и она не явилась для меня неожиданностью... Мне хотелось бы, чтобы вы прислали мне два-три экземпляра для отправки за границу» (Из переписки А.П. Скафтымова и Ю.Г. Оксмана / Предисл., сост. и подгот. текстов А.А.Жук; публ. В.В. Прозорова // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Вып. 2. С. 281–282).
- 13 *Покусаев Е., Жук А.* Александр Павлович Скафтымов // Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972. С. 18.
- 14 Об отношении А.П. Скафтымова к философскому наследию профессора С.Л. Франка, первого декана историко-филологического факультета Саратовского университета, см.: С.Л. Франк. Саратовский текст / Сост.: А.А. Гапоненков, Е.П.Никитина. Саратов, 2006. 288 с.
- 15 Из письма А.П. Скафтымова Ю.Г. Оксману от 8 мая 1958 г. // Russian Studies/ Ежеквартальник русской филологии и культуры. С.276.
- 16 Из письма А.П. Скафтымова Ю.Г. Оксману от 5 сентября 1960 г. // Там же. С. 307.
- 17 Из письма А.П. Скафтымова Ю.Г. Оксману от 26 июня 1963 г. // Там же. С. 320–321.
- 18 Там же. С. 274, 268, 283, 276.
- 19 Речь идет о Евграфе Ивановиче Покусаеве (1909 – 1977), известном литературоведе, авторе трудов о М.Е. Салтыкове-Щедрине и других русских классиках, прошедшем филологическую школу под руководством А.П. Скафтымова. В 1951 г. Е.И. Покусаев принял от А.П. Скафтымова заведование кафедрой русской литературы Саратовского университета.
- 20 Из письма А.П. Скафтымова Ю.Г. Оксману от 28 июня 1959 г. // Russian Studies. Ежеквартальник русской литературы и культуры. С. 289.
- 21 *Барт Р.* Избр. работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М., 1989. С.384, 391.
- 22 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1979. Т. 10. С. 96.
- 23 Русская литературная критика. Саратов, 1994. С. 142.
- 24 Из письма А.П. Скафтымова Ю.Г. Оксману от 28 июня 1959 г. // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. С. 289–290.
- 25 *Скафтымов А.П.* Образ Кутузова и философия истории в романе Л.Толстого «Война и мир» // Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей.
- 26 Из переписки А.П. Скафтымова и Ю.Г. Оксмана // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. С. 293 – 294.

- ²⁷ Скафтымов А.П. Образ Кутузова и философия истории в романе Л.Толстого «Война и мир» // Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. С. 190, 215.
- ²⁸ Там же. С. 189.
- ²⁹ Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. Саратов, 1994. С. 73.
- ³⁰ Там же. С. 85.
- ³¹ Скафтымов А.П. Тематическая композиция романа

«Идиот» // Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. С. 24.

- ³² Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. Саратов, 1994. С. 77.

³³ Цит. по: Макаровская Г.В. О соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги Саратовской филологической школы. С. 120.

УДК 808.1-07+929 Лукьяненко

АЛЕКСАНДР МИТРОФАНОВИЧ ЛУКЬЯНЕНКО И ПРЕПОДАВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

О.Б. Сиротинина

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: skunak@mail.ru

В статье представлена деятельность А.М. Лукьяненко (1879 – 1974), организатора филологического отделения, открытого в 1941 г. в СГУ, первого заведующего кафедрой славяно-русского языкознания Саратовского университета.

**A.M. Louk'yanenko and Teaching the Slavic Languages
at Saratov University**

O.B. Sirotnina

The article presents the activity of A.M. Louk'yanenko (1879 – 1974), the Organizer of the Philology Department which had been set up in 1941 at Saratov University, and the first head of the Slavic-Russian Language Department of Saratov University.

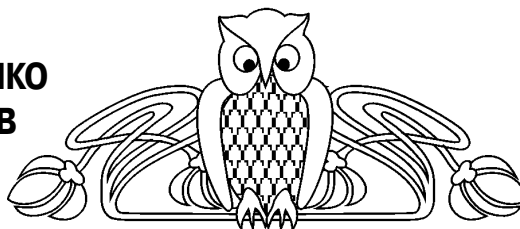
Те, кто приезжает в Саратовский университет, знают, что здесь всегда можно услышать речь на разных славянских языках, болгарские, украинские, польские песни, ежегодно проводятся красочные студенческие праздники славянской письменности, славянских языков.

Преподавание славянских языков организовано кафедрой общего и славяно-русского языкознания (до 1973 г. – кафедрой русского языка; с 2005 г. – кафедрой теории и истории языка и прикладной лингвистики).

За более чем полувековую историю кафедры здесь преподавались болгарский, сербский, польский, чешский, словацкий, украинский языки.

В Саратовском университете знают и помнят, что прочную теоретическую и практическую базу и основу методики преподавания славянских языков заложил в 40-е годы Александр Митрофанович Лукьяненко.

А.М. Лукьяненко (1879 – 1974) был первым заведующим кафедрой славяно-русского языкознания нашего университета (сначала – кафедра филологии, общая для литературоведов и линг-

вистов – с 1941, потом – кафедра славяно-русского языкознания, затем – русского языка) и первым профессором-филологом в Саратовском университете, в который перешел из Саратовского педагогического института (где в 1934 – 1941 гг. был профессором и заведующим кафедрой русского языка и языкознания).

С 1941 г. вместе с ним на кафедре работали: Татьяна Михайловна Акимова, тогда доцент, Евдокия Михайловна Галкина-Федорук, профессор Моисей Семенович Альтман. Позже из педагогического института пришли по совместительству (оставаясь там) профессор Софья Алексеевна Щеллова, доценты Валерий Петрович Воробьев, Алексей Федорович Ефремов (затем профессор), Лидия Ивановна Баранникова. В 1963 г. Л.И. Баранникова окончательно перешла из педагогического института и стала заведовать кафедрой.

Можно сказать, что Саратовскому университету дважды крупно повезло: во-первых, сформировал кафедру и много лет ею заведовал крупнейший в то время индоевропеист страны. Саратовский университет был одним из очень немногих в стране, где читался курс сравнительной грамматики славянских языков, эти знания потом спасали студентов. Лучшим студентам (позже – аспирантам) Александр Митрофанович давал читать из своей библиотеки книги по сравнительной грамматике индоевропейских языков, славянских языков – увы, втайне, так как индоевропеистика была фактически под запретом, и Александра Митрофановича обвиняли в том, что он недостаточно пропагандировал «Новое учение о языке» Н.Я. Марра, «протаскивал» индоевропеистику.

Во-вторых, в 1942 – 1943 гг. в университет приходит значительное количество профессоров Ленинградского университета. Они работали на нашей базе, был общий ректор СГУ/ЛГУ, но занятия шли параллельно. Саратовские студенты-первокурсники и второкурсники изначально